

Я родился 14 августа 1922 года в городе Харькове. Учился в Харькове в школе до 12 лет, окончил там 4 класса, и, когда мне было 12 лет, мои родители переехали на постоянное жительство в город Ленинград. Это был 1934 год. Когда мы приехали в Ленинград, у нас не было места жительства, и мы на какое-то короткое время остановились и жили у брата моей матери. Там я продолжил учебу в пятом классе, а через какое-то время мы переехали на временное жительство в Лисий Нос, это дачное место под Ленинградом. Оттуда я вынужден был каждый день поездом (тогда еще не было электричек) добираться до Ленинграда, а потом от вокзала до школы, и обратно я приезжал поздно-поздно вечером, безумно усталый. Я физически не смог вынести эту нагрузку, я заболел, у меня было неблагополучно с легкими, и врачи настояли на том, чтобы я на время оставил учебу. Таким образом, я один год не учился в школе. Позднее мы переехали на постоянное место жительство в Ленинграде, и дальнейшая моя учеба в пятом классе школы и дальше проходила уже нормально. Я жил в Ленинграде, и там мы имели собственную комнату. Мы жили в одной комнате, но она была уже наша, и эти проблемы с добиранием до школы... Я пошел в школу уже по месту жительства. Все это было более-менее нормально.

Я это говорю к тому, что я окончил школу в 1941-м году, а не в 1940-м, как это должно было бы быть, если бы все было нормально. Я думаю, что это можно отнести к одному из факторов, по которому я уцелел. Поскольку все те, кто окончил школу в 1940-м году, в 41-м году уже оказались в действующих частях Красной армии. И первые удары войны они приняли, в общем, практически, на себя. Это именно выпускники школ 1940-го года.

Я окончил школу 16 июня 1941 года. У нас был выпускной вечер. После выпускного вечера моя мама купила мне путевку в Дом отдыха на станцию Сиверская, и я поехал туда. И день войны, 22 июня, меня застал в Сиверской. И я об этом узнал, находясь на речке, на пляже. Пришел туда пожилой человек, вздыхая, тяжело причитая, и говорит: "Ну, ребятки, началась война". Я уехал в город, соответственно, не закончив отдыхать в Доме отдыха, приехал в Ленинград. 23-го - 24-го я находился в Ленинграде. Мой приятель, Володя Старокадомский, с которым мы вместе жили в одном доме и учились в одном классе, сагитировал меня поехать поступить в военное училище связи. Мы поехали туда, на проспект Суворова в училище связи. Там я проходил медицинскую комиссию. И его и меня заставили по 30 раз присесть и подняться, после этого врач выслушал, его признал годным, а меня признал не годным к поступлению в военное училище. Я оттуда уехал, поехал домой, и по пути, проезжая по Каменноостровскому проспекту (он тогда назывался Кировский проспект), я вышел на улице Мира, и зашел в политехническое высшее военное училище, к которому я уже имел отношение, поскольку, когда я учился в десятом классе, то уже определялась дальнейшая судьба прохождения военной службы, и я написал туда заявление, и получил оттуда ответ, что я являюсь желательным кандидатом на поступление в военное училище. Когда я был не принят в училище связи, то на обратном пути заехал в это электротехническое училище, и там мне также предложили пройти медицинскую комиссию, я прошел эту медицинскую комиссию, и был принят. Я думаю, что этот случай тоже имел определенное значение в моей жизни, и был значительным фактором, постольку, поскольку те, кто был принят в училище связи, закончили его по ускоренному курсу, и

очень быстро были направлены на фронт, еще в тот период, когда положение на фронтах войны не было достаточно стабилизировано. И очень много выпускников, офицеров училища связи, погибли в той войне. Кстати говоря, мой товарищ Владимир Старокадомский, с которым мы учились вместе в школе и хотели поступить в училище, все-таки закончил это училище, провоевал всю войну, был командиром отдельного батальона связи, и окончил в звании полковника.

31-го июня 1941 года я стал курсантом ленинградского училища, которое к этому времени было переименовано, с началом войны. Оно называлось "Ленинградское артиллерийское техническое училище зенитной артиллерии". И под этим названием оно существовало все время.

В июле месяце все военное училище выехало под Ленинград, в Стрельну, и по ночам было использовано для прочесывания местности, поскольку предполагалось, что немцы забросили в район под Ленинградом определенных террористов, и мы по ночам прочесывали все улицы, квартиры, заходили в дома, проверяли документы. Днем мы занимались, ночами - выполняли вот эту работу. Приблизительно так прошел июль месяц. А в августе месяце все училище было эвакуировано в город Томск. Я только хочу оговорить, что буквально Ленинград к августу месяцу 41 года практически уже был весь окружен. И одна лишь дорога на Волхов была свободна. Но она очень интенсивно обстреливалась немецкой авиацией. И наш эшелон уходил под постоянным обстрелом. Поскольку мы были уже тогда училищем зенитной артиллерии, артиллерийско-технической, то после двух-трех теплушек, в которых мы отправлялись, шла платформа с 37-миллиметровыми скорострельными действующими пушками зенитной артиллерии, и мы уходили, буквально отстреливаясь от немецких самолетов.

В сентябре месяце мы прибыли в город Томск. В Томске нас, конечно, не очень ждали. Подготовленного места дислокации училища не было. И мы в сентябре месяце и в начале октября жили практически на улице. Умывались в речке, и жизнь проходила в тяжелейших условиях. В уличных условиях в городе Томске, а Томск - это Сибирь, и там уже в сентябре и октябре не такая температура воздуха, как в средней полосе России. К октябрю месяцу было освобождено помещение Томского университета. И все помещение Томского университета было передано нашему училищу. Часть помещений были использованы как спальные корпуса, и там, на двухэтажных специальных деревянных нарах мы спали, а часть помещений была использована как учебные классы. Мы в Томске занимались практически 18-20 часов в сутки. Ночью при этом нас еще периодически поднимали, и мы шли в баню. Потому что баня в Томске была одна, днем она использовалась для жителей города, а ночью она была свободна, и была предоставлена в распоряжение воинских частей. Так что иногда бывали дни, когда мы занимались по 18-20 часов, а те несколько часов, которые нам давались на сон, были потрачены на то, чтобы пойти в баню.

Я хочу сказать, что это училище в Томске дало мне очень многое. Конечно, когда я жил в Ленинграде с мамой, то я имел щадящий образ жизни, не был достаточным образом закален, и представлял из себя довольно хрупкое существо. Когда я попал в военное

училище, то там все резко изменилось. Во-первых - Томск, зима 41-го года. Положение такое: если на улице было меньше 20 градусов мороза, то зарядку мы делали на улице без нательных рубашек. А если больше 20 градусов - то в нательных рубашках. Наш старшина, Рома Белянский, был одним из очень немногих, кто в училище попал, уже побывав очень короткое время на фронте. Я не могу сейчас вспомнить, как это у него получилось, что он все-таки попал в военное училище. Но, естественно, считалось, что он уже повоевал, а мы еще ничего не видели и не слышали. И он стал старшиной нашей батареи. И вот этот старшина батареи Рома Белянский выводил нас на утреннюю гимнастику, ставил три козла - один последовательно за другим, и мы, бегая по кругу, должны были перепрыгнуть через этих трех козлов. Тот, кто перепрыгивал - сразу шел умываться, готовиться к завтраку и к занятиям. Тот, кто не перепрыгивал - должен был бегать до того времени, пока не перепрыгнет. Я думаю, что такое вот суровое воспитание Ромы Белянского в части моего дальнейшего сохранения и выживания дало тоже очень много. Я там не мог, конечно, по своим качествам быть ни командиром отделения, ни занимать какие-то младшие командные посты. Но я был комсомольцем, я был достаточно подготовлен, и меня там выбрали комсогруппоргом батареи. Это, конечно, тоже давало мне некоторые преимущества в части Ромино воспитание, потому что Ромино воспитание касалось не только утренней гимнастики, а и постоянно. Ну, например... много лет прошло с тех пор, я не могу точно назвать, но давалось какое-то колоссально-минимальное время... Вот когда мы лежим на нарах, утренний подъем, и нам нужно было немедленно, за короткий промежуток времени на физзарядку вскочить со второго этажа (я спал на втором этаже), надеть сапоги, натянуть брюки. К счастью, рубашки не надо было, потому что, как я уже говорил, это было без нательного белья, и мы должны были выскочить. Если Рома замечал, что кто-то надел сапоги, не натянув портянок, то это засчитывалось как невыполнение нормы времени, по которой это должно было быть. И потом проводились дополнительные занятия с этой категорией людей до тех пор, пока они не осваивали необходимое время.

Занятия были очень сложные и очень интенсивные. Дело в том, что к этому времени советская техника уже обзавелась очень сложными электротехническими средствами обнаружения и корректировки огня. Это называлось ПУАЗО-3. Оно все было на электронике, на электрике все, а нас это училище выпускало в звании техников-лейтенантов, и мы должны были в совершенстве знать технику. Во-первых, мы должны были в совершенстве знать материальную часть всех зенитно-артиллерийских орудий, всех зенитно-артиллерийских приборов, и должны были в совершенстве владеть этой техникой. Ну скажу, к примеру, что была колоссальнейшая электротехническая схема, буквально во всю стену, этого ПУАЗО-3, и мы должны были, отвернувшись от стены, про каждую цепь рассказывать, как она ведет. И указывать места контрольных проверок. Нам задавался вопрос: что-то вышло из строя. Какая-то лампочка, или что-то еще не работает. Где, что и как нужно проверить?. Мы должны были, отвернувшись от схемы, точно все это знать. Это было для нас довольно сложно, потому что мы, окончив школу, электротехнику, конечно, знали на уровне физики средней школы. Это достигалось колоссальным количеством времени обучения. Я думаю, что весь курс, который раньше курсанты проходили, мы обязаны были в не меньшем объеме изучить в значительно более короткое время.

Начиная с середины 1942 года начался постепенный, по батареям, выпуск курсантов из этого училища. Был такой порыв скорее попасть на фронт, что было колоссальное соревнование между батареями на звание лучшей батареи, для того, чтобы лучшая батарея выпускалась. Были периодические затребования на фронт этой категории специалистов. И они приходили через какие-то периоды времени. Так вот такое колоссальное соревнование между батареями за право быстрее попасть на фронт и получения звания лучшей батареи... это просто поразительно, какой был порыв - скорее попасть на фронт. Я окончил училище где-то в сентябре 1942 года, и мне было присвоено звание "техник-лейтенант". Мы были направлены под Москву, такое место есть - Павшино, где формировались воинские части. Я имел направление, техник-лейтенант, 42-й год, мне было 20 лет тогда, в сентябре месяце 42-го года, и я попал в полк. Что из себя представлял полк: заместитель командира полка по политической части, майор Камик был такой, и заместитель командира полка по технической части, капитан Оренман. И больше никого не было. Я был третьим в полку. Была поставлена задача, что мы трое должны создать полк. Не было даже бумаги, чтобы что-то писать. Бумаги, ручки - ничего не было. И мы с этого начали. Существовал определенный порядок формирования. Был определенный резерв людей. Через какое-то время был назначен командиром полка еще один майор, не помню его фамилию. И мы, вот уже вчетвером, начали создавать этот полк, поехали в резерв. Получили людей, получили место расквартирования. Надо было начинать с самого нуля. И в этот полк еще - это очень существенно, - был назначен мой товарищ, с которым я учился в училище, в одном взводе, в одной батарее. Толя Мельников. Его назначили начальником арттехснабжения полка. А меня назначили тогда начальником арттехмастерских. Арттехмастерские при артиллерийском полку представляли собой оборудованный автомобиль. Крытый автомобиль, оборудованный, со всеми техническими средствами для ремонта в полевых условиях. Тогда мы начали работать, и начали общаться со своими первыми командирами, и капитан Оренман сказал мне: "я хочу, чтоб ты был начальником арттехснабжения полка". А Толя чтобы был начальником арттехмастерских. И я начал заниматься. Сначала я начал заниматься вопросами снабжения не арттех, а просто снабжения, вплоть до того, что буквально все, что нужно было, даже такую вещь, как, в полевых условиях, кухню, и все такое - все это надо было достать, все это надо было получить, привезти и задействовать. Постепенно полк стал обрастать людьми, начали появляться уже командиры батарей. Уже люди стали поступать. Наконец был получен приказ на другом конце Москвы поехать и получить необходимую технику. Меня послали туда, там было место, центральные склады, на котором я получил 12 автомобилей ЗИС-5, из там же находящегося резерва я получил 12 шоферов, каждого из которых я выстроил у каждого автомобиля, и мы должны были получить дополнительно обмундирование, и все необходимое, и погрузить в эти 12 машин, и ехать к себе в полк на противоположную сторону Москвы. Это был приблизительно февраль месяц 1943 года.

То есть почти год заняла эта предварительная подготовка?

Почему? Я же в сентябре 42-го окончил училище. А до февраля 43-го мы формировали полк¹. Прошло где-то пол года, 5 месяцев. Короче говоря, я построил этих шоферов возле 12 автомобилей ЗИС-5, и из них 11 было молодых ребят, которые окончили шоферские курсы в течение 3-х месяцев, а до этого никогда не водили машины. И один человек был старше меня. Я думаю, что ему тогда было лет 30 с чем-то. Но мне он казался просто стариком. Который, в общем-то, был профессиональным водителем. Короче говоря, когда мы уже получили машины полностью... Нам машины отдавали полностью на ходу. Чтоб мы видели, что они работают. К этому времени, пока мы на складах все получили в этот день, уже стало темно. И ехать на другой конец Москвы, не зная, по сути дела, ни дорог, и с такой квалификацией водителей, я не решился, и дал команду переночевать в этом резерве еще одну ночь. Сам я пошел тоже в какой-то дом, переночевал там одну ночь. Но прежде, чем идти ночевать, я им приказал спустить воду с двигателя. Охлаждение двигателя. Я вот сейчас очень хорошо помню, что из 11 человек водителей никто не знал, где краник, который должен был спустить воду из рубашки охлаждения двигателя машины. И этот водитель всем спустил воду, у всех этих 11 машин. И после этого мы пошли отдыхать. Я должен сказать, что я к этому времени уже имел какую-то подготовку. Я-то знал все это дело, потому что в военном училище очень большое внимание уделялось автоделу. Я очень хорошо помню, что преподавал у нас автодело майор Швидченко. Это украинская фамилия. Который, в общем-то, в какой-то мере... "швидко" - это "скоро". Скорость. Когда он учил нас, то учил, что не надо ездить "швидко". Я уже имел права к этому времени, я их получил в 42-м году, там мы сдавали экзамены, и имел какое-то представление о вождении. Ну наутро, в 6 часов утра, вся команда собралась вновь у машин, мы залили воду. Я обращаю внимание, что тогда и в помине не было антифриза, который не замерзал бы в зимних условиях. Это было страшное дело, как мы потом мучились на фронте. Что это было. Значит, мы залили воду и поехали. Я дал направление движения, сел в машину вот этого вот единственного профессионального водителя Комагорова, о нем я еще буду останавливаться в дальнейшем, потому что мы с ним довольно долгое время провоевали. И мы поехали. Мы с Комагоровым ехали самыми последними, двенадцатыми, замыкающими, потому что мы должны были видеть, что ни с кем по дороге ничего не случилось, и все движение идет нормально. Когда мы с Комагоровым начали ехать, то мы неоднократно встречали наши машины, которые где-то останавливались, с которыми что-то случилось, и нам приходилось вмешиваться в это дело, потому что шофера было неопытные, гололед на дороге, машины скатывались, и нам нужно было их вытаскивать, тащить. Сколько труда, сил, энергии было затрачено на то, чтобы перегнать их к месту дислокации... Сейчас трудно уже это пересказать, поскольку прошло слишком много времени, и уже стерлись из памяти все те эпизоды, свидетелями которых нам пришлось быть. Короче говоря, мы приехали, у нас уже тогда появились вот эти машины, кроме того - нам пригнали "виллисы" - это американские быстроходные машины, которые шли по снегу, у них и передние ведущие, и задние ведущие были колеса. Это были прекраснейшие машины, которые использовались нами для транспортировки 37-миллиметровых мелкокалиберных пушек, которых у нас было несколько батарей. У нас появились эти машины,

¹ [374 зенитный артиллерийский полк](#)

появились пушки, и мы начали интенсивно готовиться к продвижению на фронт. Пушки надо было обязательно покрасить в белый цвет, камуфляж.

Под снег?

Под снег. Это же был январь-февраль месяц. 1943-го года. Надо было покрасить. Что значит “покрасить”? Где взять краску? Краску, в военное время! Краску для того, чтобы покрасить все пушки, все машины. Оренман дал мне командировку, и послал меня в Москву. Как сейчас помню: иду я по Москве, не знаю, что мне делать, и где мне взять краску. И на площади Мира (я не помню, как она в то время называлась), на углу был колоссальный, большой хозяйственный магазин. Я пришел в этот магазин. 20 лет. Тогда еще погонов не было. У меня было два кубика. Эмблемы “молоточки” - это все было новенькое, полученное в училище, и все было свежее, чистое. Я пришел к директору магазина, это была женщина средних лет. Ну тогда она мне казалась средних лет. Сейчас я понимаю, что она была очень молодая. Я - “Вот так и так, мне нужна белая краска”. Она говорит: “сыночек, для чего тебе нужна белая краска?”. Я говорю: “Мне надо ехать на фронт. Надо выкрасить оружие, а у нас белой краски нет” - “Ооо”, - говорит, - “а ты знаешь, что сейчас такое белая краска?”. В Москве, война, и все такое. Короче говоря, она меня усадила, она меня покормила, и говорит: “Я тебе дам белую краску. Только потому, что мой сын находится на фронте. И я это очень четко чувствую и понимаю”. Я получил у нее белую краску, приехал я туда потом на “виллисе”, забрал эти банки с белой краской, и вез себе в полк. А у нас там формировался не только наш полк, там много полков формировалось. Там формировалась так называемая Девятая зенитная дивизия резерва главного командования. И наш полк, первый из всей дивизии, выкрасил пушки в белый цвет. Я как сейчас помню, как получил первое поощрение со стороны командира дивизии (не помню, в качестве благодарности, или чего-то еще) - за то, что полк оказался первым подготовленным к выезду на фронт. Но я еще раз повторяю, что на моей шее было от доставания бумаги до окраски орудий. Мы полк сформировали от нуля. И до полной готовности к выезду на фронт. Я привозил боеприпасы. Все, все, все - я. Короче говоря, я утвердился в должности начальника артиллерийского технического снабжения полка. Это считалось одной из очень больших должностей. Это была капитанская, вообще-то, должность. Но я во время войны, естественно, был в возрасте 22 лет, техник-лейтенант.

Февраль 1943 года, мы получили команду выехать на станцию Навашино для загрузки в военный эшелон. Туда должны были подать военные эшелоны, платформы, мы должны были погрузить свою технику, и полк должен был выехать на фронт. Мы приехали туда, к этому времени я уже, как начальник артиллерийского технического полка, имел собственную машину “виллис”, и шофером я взял себе этого москвича Комагорова. Мы выехали, выехал весь полк, все это было камуфлировано, поскольку бомбили уже немцы и Москву, и московские районы. Выехали на станцию Навашино, железнодорожное полотно, ждем прибытия эшелона. Эшелона нет. Зима. Сильный мороз. Смотрю - моего Комагорова нету. Куда он делся? Сижу, сижу... Прибегает! “Сынок, пойдём”, - он мне говорит. А он был рядовым. “Куда?” - “А вот здесь, в доме”. А там же в домах жили люди, жители Навашино. “Идем, сейчас перекусим, выпьем там”.

В общем, он меня привел в какой-то дом, где нам дали выпить, закусить, перекусить, и мы, значит... Ну я себя очень аккуратно себя вел, как всегда, и в дальнейшем - всю жизнь. Единственный случай в моей жизни был, когда я выпил лишнего, но это также спасло мою жизнь. Но об этом эпизоде я расскажу дальше. Это уже было на фронте.

Короче говоря, Комагоров, видимо, пил лучше меня, поэтому он был хорошо выпивший. Мы пришли. Через какое-то время подали эшелон. Завезти 3-х тонную машину ЗИС-5, с прицепом пушки на платформу - это большое искусство. Шофера, которые обучались 3 месяца вождению автомобиля на ускоренных курсах во время войны, не могли позволить себе такую роскошь. Я хочу одно сказать: что если бы не этот пьяненький шофер Комагоров, который завез все машины и все пушки полка на платформу, мы бы... не знаю, что бы с нами было, потому что никто бы завезти эти пушки и машины не смог. Он завез все.

Командир полка, после того, как все было завезено, вызывает меня, объявляет мне выговор, для начала. За то, что Комагоров называет меня "сынок". Он слышал в процессе завозки, были разговоры с ним. Потому что я руководил этим делом, он завозил. И приказывает мне отправить его в вагон-гаупвахту. Так мы поехали на фронт. Прибыли мы на фронт...

Ты отправил его?

Ну а что же? Я - лейтенант, он - полковник.

И как ты ему это объяснял?

Комагорову? По приказанию командира полка!

Приехали мы в район Каховки. Это где-то недалеко от Воронежа. Каховку я хорошо слышал, потому что, когда я был еще совсем мальчишкой, я очень любил песню "Каховка, Каховка, родная винтовка". Эта песня из гражданской войны еще была. И когда я был в Каховке, то это название уже было для меня знакомым.

Мы прибыли на воронежский фронт. В первое время нас поставили на отражение против танков. В район противотанковой обороны. Потому что зенитные пушки, 37-миллиметровые, автоматические, для стрельбы по танкам были просто прекрасными орудиями. Мы ставили в обойму четыре бронетанковых снаряда, и один трассирующий. Таким образом, даже стреляя по танкам, можно было одновременно корректировать стрельбу. Трассирующие снаряды показывали ошибку. И очень успешно они применялись.

У нас было четыре батареи 37-миллиметровых пушек, одна батарея крупнокалиберных противозенитных пулеметов. Это был наш полк: четыре батареи и специальные крупнокалиберные пулеметы для отражения. Короче говоря...

Это на случай какой-то атаки на полк?

Почему? Отражение самолетов крупнокалиберными пулеметами? Они же очень бреющим полетом летали. Наша авиация в то время практически отсутствовала. Они хозяйничали, чтобы были маяки в воздухе. Летали на очень низких высотах, и поэтому эти пулеметы были довольно эффективны. И было очень много случаев, когда немецкие самолеты сбивались этими ППШ, этими пулеметами.

Через какое-то время наши войска одержали внушительную победу в районе Воронежа, мы были переведены на дежурство уже в целях противовоздушной обороны, и нас дислоцировали в районе между Белгородом и Обоянью. Это место называлось деревня Прохоровка. Об этой деревне Прохоровка можно очень много рассказывать. Я недавно читал заметки Хрущева о войне. Там колоссально много места уделено этим боям в районе Прохоровки. Это была так называемая Белгородско-Курская дуга. Ну я о ней позже расскажу. Я просто хочу сказать, что мы тогда приехали в район Прохоровки, то по целому ряду мест были дислоцированы наши батареи. Моя задача была - полное материально-техническое обеспечение этой батареи. В то время в советской армии существовал порядок, что в рационе питания каждый день давали на каждого человека 100 грамм водки. Таким образом на батареях всегда были бочонки с водкой. И, естественно, что я тоже... Это была уже прифронтовая полоса. Это уже практически был фронт. Поэтому все жители из этого района были эвакуированы. Все дома были в нашем распоряжении, жили мы в этих домах. Ну, естественно, при батареях было все это. И мы располагались в этих домах. Я тоже жил в определенном доме, там была кухня, офицерская кухня была отдельно, питание было на фронте нормальное, и все было, в общем-то, в этой части неплохо.

Периодически наши батареи работали, уже были случаи сбитых нами самолетов. Мы получали соответствующие благодарности. Командирами батарей были очень опытные и хорошие офицеры, старшие лейтенанты в основном. Служба шла неплохо. Были случаи бомбежек наших батарей. Были случаи потерь. Но, во всяком случае, это не носило характер тяжелых потерь. Эпизодически. Потому что когда самолеты пролетали низко, они же по батареям тоже наносили удары. Ну вот. У меня складывалась обстановка такая, что я не каждый день-два-три мог побывать на каждой батарее. Когда я приезжал на батарею, то я всегда был у командира батареи очень желанным гостем. И не смотря на то, что они, как правило, были выше меня по званию, по должности я был выше их, и они ко мне относились с большим уважением, и всегда старались чем-то мне... Ну, естественно, всегда меня хорошо там кормили, всегда - эти 100 грамм, и, может быть, не всегда по 100, а и больше. Но, во всяком случае, не было случая на батарее, чтоб я приехал, и чтоб я не был там не накормлен, не напоен. Моя задача была - обеспечить всем необходимым. Я ездил на центральные прифронтовые склады. Я оттуда привозил снаряды. Я оттуда привозил все необходимое для ведения огня. И обеспечивал и ремонт, и всю необходимую жизнедеятельность артиллерийско-технической части всего полка.

Мне запомнился один эпизод, который в моей жизни, я считаю, был тоже одним из "17 мгновений весны", если можно так образно выразиться. Все эти случаи, которые спасали мне жизнь. Это было под 1-е мая 1943-го года. Мы располагались во

фронтальной части, и одна наша батарея попала уже даже в окружение немцев. Просто так проехать туда было нельзя. Командир полка вызвал меня, и поручил взять одну из грузовых машин, и доставить в полк необходимые им боеприпасы и питание, которое у них уже было на исходе. Ехать туда на "виллисе" было незачем, нужна была большая грузовая машина. И в ночь под 1-е мая мы с Комагоровым выехали туда. Нужно было ехать туда ночью, погода благоприятствовала этому делу. Был проливной дождь, дороги были размыты. Я сейчас уже, по истечению многих лет, вспомнить не могу, но это все-таки было потрясающе, как мы все-таки добрались до этой батареи - я не знаю. Это только благодаря опыту этого шофера, и его умению находить, ориентироваться, и вести машину на высоком уровне. Когда мы приехали туда, ликование этой батареи - а батарея состояла из 8 орудий, - не было границ. Нас качали, и нас начали поить. Наша задача была - до наступления света выехать обратно. Вот это был первый случай (и последний, кстати) в моей жизни, когда я пил, не знаю, сколько и как, и я полностью, на 100% потерял контроль над собой. Проснулся я 1-го мая, где-то часов в 8-9 утра, от холода. Все-таки это был май месяц, и еще средняя полоса, еще ночи холодные были. Я проснулся в шинельке, в кузове своей машины, в которой я ехал. Как Комагоров пьяным нас вывез - ночью, в дождь, по этим дорогам, и как ему удалось проехать - я не знаю. Но когда я очнулся, я Комагорова не нашел. Рядом нигде Комагорова не было.

А где вы стояли уже?

В населенном пункте, в деревушке какой-то.

По дороге?

По дороге, куда мы должны были возвращаться. А куда мы должны были возвращаться? Мы должны были возвращаться не в расположение командной части своего штаба нашего полка, а мы должны были возвращаться на одну из наших батарей, где было принято решение 1-го мая устроить праздник. Командному составу всего полка собраться на одной из батарей, и отметить этот праздник. Назначено это было на 11 или 10 часов дня. Мы все должны были быть там. И мне было приказано вернуться именно в ту батарею, где это должно было быть. Я просыпаюсь - его нет. Надо ехать, еще ехать далеко. Как, куда ехать - я ничего не понимаю. Где мы - я не понимаю. Может быть, мы вообще у немцев? Короче говоря, я начал ходить по домам. Дома все пустые, жители эвакуированы. И в одном из домов на полу я вижу, что он крепким сном спит. Ну я его разбудил, мы сели, поехали. А ехать еще было далеко. И мы, значит, начали пробираться к этой батарее. Когда мы уже оказались на небольшом расстоянии, я чувствую, что мы опаздываем. Где-то на часок мы опаздывали на эту батарею. И когда мы уже начали подъезжать к этой батарее, я смотрю - нам на встречу столб пыли, и несутся "виллисы" наши, которые пушки таскают. И они нам на встречу! И мы тогда останавливаемся, подъехал, на первой машине был комиссар полка, этот майор Камик, о котором я говорил. Что же произошло? Когда весь командный состав собрался в какой-то домик в какой-то деревушке, и начал там отмечать праздник 1-го мая, в окно была заброшена разрывная граната. Потому что немцы, уходя, отступая, оставляли специальных террористов, из числа проживавших там, с целью

уничтожения командного состава. В общем, масса людей была тяжело ранена, несколько человек убитых, и я не попал в этот дом, в эту хату, благодаря тому, что мы перепились там, на этой батарее. Так бы, конечно, мы в срок были бы там. Это был первый предвоенный, я бы сказал - предфронтной, эпизод, который, может быть, спас мне жизнь. Во всяком случае, без тяжелых ранений там никого не было. Ну, короче говоря, мы пополнились: получили замену всех погибших и раненых, и продолжали находиться в пассивной обороне. Мы были не на обороне. Если войска наши были на обороне, то мы каждый день находились в бою. Мы каждый день отстреливались, мы каждый день сбивали самолеты. Мы каждый день были сами обстреляны этими самолетами.

4-го июля 1943-го года я выехал на центральный тыловой штаб нашего фронта с целью получения боеприпасов. Я взял 2 машины ЗИС-5, мне надо было получить боеприпасы и доставить их в полк. Да, я еще хочу сказать, что я уже имел определенное представление к награде "за отвагу". Когда мы были в районе Воронежа, и когда мы выполняли функцию противотанковой обороны, то я на своей машине "виллис" заскочил в одну из деревень, где немцы, как говорится, еще были полуживые. Там еще трупы лежали... Вот-вот наши войска выбили их. Стоит новенькая, совершенно новенькая машина "скорой помощи", полностью оборудованная всем - приборами, ну совершенно новенькая. Буквально там идет стрельба. Это еще только в 20 лет можно не уйти, не рискуя, а здесь - я беру, прямо под этой перестрелкой подцепляю эту машину к своему "виллису", красавцы там у нас, конечно, были на фронте, и привожу эту машину в свой полк.

С 4го июля 1943 года, как я уже начал говорить... Это была очень важная для меня дата. Я уехал в полк. Взял две машины. Комагорова я не взял, а поехали туда штатные шофера этих машин, и мы приехали на фронтовой склад. Ехать туда было далеко. Мы вечером погрузились, и рано, с рассветом, мы поехали обратно, для того, чтобы привезти эти боеприпасы. Здесь я еще одно маленькое отступление сделаю, что за этот период времени, когда мы были на фронте, мне неоднократно приходилось приезжать в такие длительные поездки по своей работе - то на какую-то батарею другую... И все это делалось ночью. И с шофером Комагоровым у нас были буквально братские отношения. Когда я уже чувствую, что машина идет в бок из-за того, что он уснул - я его сменяю. Короче говоря, мы с ним очень тесно были связаны, и очень тесно мы с ним вели службу. Я очень счастлив был, что в этот день я его не взял с собой. Потому что те трагические события, которые произошли в этот день... Конечно, может быть, и они ему спасли жизнь. Я не знаю...

4-го июля, вечером загрузившись, мы выехали, и остановились в одной деревне, которая стояла на сравнительно большом расстоянии от фронта, поэтому она эвакуирована не была. Мы остановились в этой деревне, и решили переночевать, чтобы с раннего утра 5-го числа вернуться в расположение своей части. Рано утром, 5-го, мы в составе двух шоферов и четырех солдат выехали в обратный путь, и начали ехать по той дороге, по которой мы ехали на центральный фронтовой склад. Через какое-то время обратил внимание на то, что по дороге (там были проселочные дороги) на встречу мне пронеслась установка "Катюша". Меня несколько удивило,

почему она движется от фронта, а не к фронту. Мы продолжаем двигаться вперед, смотрю - на встречу мне идет какая-то воинская часть, люди перевязанные, раненые. Какое-то не парадное движение, а движение, характеризующее беспорядочное отступление. Они тоже поравнялись со мной, прошли мимо. Никто ни одного слова не сказал. Мы продолжаем двигаться дальше, я начинаю чувствовать звуки артиллерийской стрельбы, каких-то военных действий где-то в отдалении. Еду дальше, смотрю, что надо мной кружится немецкий самолет. Ну, думаю, если он сейчас пару бомбочек выпустит на мои машины... Я приказал моим машинам двигаться одна от другой на большом расстоянии для того, чтобы если в одну попадет, то хоть вторая осталась бы целой. Значит, мы едем дальше, я еду на первой машине, за мной, на определенном расстоянии, идет вторая машина. Едем, едем... И через какое-то время я совершенно неожиданно... Я еду спереди, с шофером сию... Вокруг меня... Вот по контуру меня, моего лица, головы - пули. Пробивают лобовое стекло. Ни я не ранен, не убит, ни шофер. Но стрельба идет откуда-то по машине. Мы останавливаем машину, шофер выскакивает в левую сторону, как он ехал, я ехал справа - я выскакиваю из дверцы справа, на землю. И в это время авиационная бомба попадает в мою машину, полную снарядов. Колоссальнейший детонации взрыв, я теряю сознание, я не знаю, что со мной, где я и что. И на какое время я отключился - я тоже не знаю. Через какое-то время я прихожу в себя. Я чувствую, что я лежу в воронке от снаряда. Земля, соответственно, рыхлая, а не прибитая, поскольку это воронка. Воронка довольно глубокая. Я лежу на дне, и я слышу, что сверху надо мной разговор на немецком языке.

Надо сказать, что я в школе изучал немецкий язык. И я, конечно, плохо знал немецкий язык, но, во всяком случае, что-то я понимал, и что-то я мог сказать. Первым моим движением было - как я это сообразил-я и сейчас не могу понять, - я вынул из гимнастерки удостоверение своей личности и комсомольский билет. И закопал их в рыхлую землю на дне воронки, на которой я лежал. Рукой. Еле-еле двигая рукой, я это закопал эти документы. Немцы, видимо, периодически наблюдавшие за мной, обратили внимание, что я стал шевелиться. И заставили меня подняться, и вытащили меня из этой воронки. Я смотрю, что меня окружают машин 5 мотоциклетчиков с пулеметами. Первый вопрос, который мне был задан - не еврей ли я. Я сказал "нет". Второй вопрос, который мне задали - коммунист ли я. Я сказал "нет". Тогда они обратили внимание на мои погоны, которые уже к этому времени, обращаю внимание, были введены. У меня на погонах были "молоточки". Молоток с ключем. Технический род войск. "Ааа", - они говорят, - "инженер!". Ну интерес ко мне большой пропал, и меня отставили в сторону. Через какое-то время по дороге шла грузовая машина, и меня забросили туда, на эту машину. Мы ехали не очень долго, приехали в какое-то место, там стоял сарай, меня загнали в этот сарай, а там было несколько раненых летчиков. У меня - потеки крови из ушей, из носа, страшная головная боль. Потому что я, видимо, получил хорошую встряску во время этого взрыва. Был контужен.

Мы пролежали где-то пол дня в этом сарае, потом нас оттуда забрали, и привезли в другое место, где формировались все пленные. Я еще был в (8:55, 3-я часть) отличии офицера, но там все шли вместе, и нас погнали куда-то в другое место. Куда, что - ничего я не знаю. Первое поползновение - это было идти и не упасть. Потому что я

был в ужасном состоянии контузии. Потому что как только кто-то падал, или как только что - так сразу пристреливали, а остальных вели дальше. Так я, в общем, дошел до определенного места. Там был опять какой-то пункт, где собирали всех пленных. И так вот периодически нас гоняли от пункта до пункта. Потом уже, на следующий день, я почувствовал себя немножко лучше, и у меня появилась главная задача - убежать. Ну идет колонна военнопленных. С одной стороны идут немцы вооруженные, сзади идут немцы вооруженные, по бокам идут немцы вооруженные: очень большой риск. Ну что делать? Попытаться? Рискнуть, ва-банк? Ну, думаю, может быть дальше будут какие-то более удобные места, где можно будет это сделать. Короче говоря, дней 3-5 нас вот так перегоняли, этапами, с одного места на другое. И где-то через неделю мы попадаем в так называемый Владимиро-Волынский лагерь военнопленных. Здесь я хочу сделать одно маленькое отступление: что же произошло. А произошло следующее: 5-го июля началась знаменитая, величайшая битва на Белгородско-Курской дуге. Именно 5-го. Утром 5-го. Об этой битве есть очень много книг. Это - одна из решающих битв. Еще раз повторю, в книге Хрущева очень много и интересно рассказано. И именно в районе деревни Прохоровка, где стояла наша часть. Когда я оттуда уезжал 4-го, все было нормально. А когда я возвращался обратно, то немцы, начав эту операцию... А началась она с наступления немцев по главному направлению Курск-Обоянь, они продвинулись на n-ное количество километров. Это была, между прочим, как в книгах сейчас говорят, запланированная акция. На этом направлении наши части были ослаблены, для того, чтобы дать возможность немецким войскам... А там были сосредоточены лучшие дивизии СС. Это была решающая битва. Она была уже после поражения немцев под Сталинградом. И поэтому здесь была решающая. Вот кто выиграет эту битву - так война и закончится. Немцы колоссальную ставку делали на выигрыш в этой битве. И были поэтому сосредоточены самые лучшие, отборные войска СС. Наши дали им возможность продвинуться на определенное расстояние. Именно на расстояние, где мы находились. А наши главные части - причем наши главные части были очень хорошие, отборные. Они пришли после победы над Сталинградом, туда влились. И они с двух сторон захватили немцев в клещи. Всю эту группировку. Но нас уже успели вывести за пределы этого места. Таким образом, как известно, эта битва окончилась полным поражением немцев. И это явилось величайшей предпосылкой к положительному решению победы во всей войне.

Я остановился на том, что я прибыл во Владимиро-Волынский лагерь смерти². На одном из пересыльных пунктов по пути в Владимиро-Волынский лагерь смерти мне удалось снять свои офицерские знаки отличия, и я постарался, как говориться, стать рядовым. Уже во Владимиро-Волынском лагере смерти началась какая-то организованная акция приема, допроса и так далее. Естественно, я, Виктор Наумович Бедуш, в таком виде выступать не мог. Поэтому я назвал себя Виктором Николаевичем Бигиным, и с этого момента, с Владимиро-Волынского лагеря смерти и до момента освобождения, я все время фигурировал под этим именем и фамилией. Во Владимиро-Волынском лагере смерти проходило колоссальное истребление военнопленных. Молотов, министр иностранных дел Советского Союза, в своем

² [Stalag 365](#) Włodzimierz Wołyński, Ukraine, 01/1942 - 09/1943

выступлении к общественности мира (потом я уже это дело читал) выступал с призывом прекратить массовые репрессии во Владимиро-Волынском лагере смерти. Там я уже, во Владимиро-Волынском лагере смерти, познакомился с несколькими людьми, также находящимися в плену, которые тоже были офицерами. и которые тоже как-то сумели избавиться от того, что они офицеры. Через какое-то время - я сейчас просто не помню, это прошла неделя, или сколько-то... Ну кормили там, естественно, один раз в день, как в любом концлагере. Утром баланда какая-нибудь овощная или еще что-нибудь, и на весь день. И мы, конечно, были уже измученные, изнуренные, и начала готовиться эвакуация этого лагеря. Начали готовить нас к переброске в другое место. Куда, чего - мы ничего не знали. Раздевали, и шел повальный обыск перед тем, как посадить в вагоны. Ну теплушки эти вагоны, естественно, это не теперешние вагоны пассажирского сообщения. Это грузовые вагоны. Повальные обыски, с раздеванием догола. Был такой Андрей.. Я сейчас забыл его фамилию. Офицером был. Очень энергичный, очень волевой. Который сумел спрятать перочинный нож в задний проход. И они не нашли его. Мы собрались кучкой наших офицеров, в том числе там был Гриша Стрмаков такой, это - стопроцентный еврей. Надо сказать, что в молодости я не был ни на йоту похож на еврея. Абсолютно. Никто, нигде и никогда не мог и не говорил мне, что я еврей. Я был чистый русский, абсолютно чистый русский. Но Гриша Стрмаков был чистейший еврей, и можно было стопроцентно ни о чем не говорить.

Вот этот вот Гриша Стрмаков, этот Андрей, я, и еще несколько офицеров, собрали такую группу, и постарались попасть в один вагон. Сформировали эшелон. Вот эти вот теплушки. Через каждые 3 - 5 (я сейчас не могу вспомнить, сколько) теплушек была платформа с пулеметами. Немцы, охрана. Теплушки заперты. На этих платформах расположились немцы с пулеметами. И поезд тронулся в путь. Мы договорились, что мы будем бежать. Вот эти вот места у вагонов, торцевые, там, где буфер идет к буферу, мы с помощью этого ножа разрезали доски вагона, выломали остальные доски. Короче говоря, мы сделали пролаз на буфера. И договорились, что мы максимальное число людей из тех, кто хочет... Мы вылезаем на эти буфера, и когда мы будем проезжать по какой-то лесистой местности, по общей команде мы будем прыгать по разные стороны. Таким образом, немцы в лесистой местности могут сразу растеряться, потому что на обе стороны мы будем прыгать. И мы знали, что кого-то убьют, обязательно. Но кто-то же и убежит! И мы так вот вылезли.

Гриша, как сейчас я вспоминаю, вылез на правую сторону по ходу движения. Но когда я уже начал вылезать и вылез, то на правой стороне места встать на буферах уже не было. Ну было, абсолютно... Ну столько человек? Ну пять человек могло на буфера справа встать. И человек пять слева. Ну человек на 10 была эта акция рассчитана. Значит, я залез слева. Начали проезжать место, по которому кому-то показалось, что это лесок. И кто-то дает команду прыгать. В это время, когда раздается команда прыгать, идет встречный поезд. На той стороне, на которой я остаюсь. А правая - люди по команде прыгнули. Гриша тоже прыгнул. В общем, всех тех... Это был не лес, а что-то небольшое. Они остановили поезд. Они расстреляли всех буквально из пулемета, ни одного человека там не осталось. А те, кто остался на буферах и все это видел - начали залезать обратно, через этот лаз в вагон. Немцы открыли вагон,

выстроили всех, и (я же язык-то понимаю), идет спор между ответственным за передвижение военнопленных и начальником эшелона. Один говорит - расстрелять всех. Нас там было человек 30, может быть 40. А этот говорит - нет. Мы едем в Ченстохов, довезем до Ченстохова, а там пусть расстреливают. Я должен сдать по количеству людей, которые я получил. Я и так буду отвечать за тех, кого уже убили. Короче говоря, они спорили, спорили, потом открывают один из вагонов (а все вагоны были набиты до предела), набивают этих оставшихся в этот целый вагон, уже ближе к их платформе. Местом для воздуха является маленькое окошечко вверху грузового вагона. Короче говоря, уже там люди, которые стояли - а это же было 5-го июля, и пока мы доехали - было начало августа. Это знойная летняя жара в районе Украины и Польши. Дневная. Закупоренный вагон, 40-50 человек уже там сидит. Добавляют еще 30-40 человек, можешь себе представить, что там творилось. Там люди падали в обморок уже, потому что сидеть было негде, только стоя. Прижавшись вплотную друг к другу.

Я не помню, сколько это продолжалось. В конечном итоге мы приехали в город Ченстохов. Это была Польша. В городе Ченстохове нас выстроили в колонну, и через город повели в лагерь. Лагерь - это был не лагерь. Это было просто поле, которое было обнесено колючей проволокой. Это была довольно большая площадь, очень большая площадь. И там было довольно много народу. Ченстохов стоит приблизительно на границе с Германией. И немцы в этом Ченстохове устроили генеральную проверку для того, чтобы в Германию не попал ни один еврей и ни один коммунист. Генеральная проверка. Как она происходила? В лагере выстроили по одну сторону ряды, человек, может быть... Можете себе представить масштаб этой операции. Если в каждом ряду было человек, может быть, под 50. Колоссальная колонна шириной в 50, скажем, человек. И вот квадратная большая площадь этого лагеря, обнесенная проволокой. Идет эта колонна, движется. Там она заворачивает, а по пути ее движения стоят человек 10 немцев, специалистов-физиономистов, которые просматривают. Есть специальность физиономистов, которые по черепу и другим признакам определяют принадлежность. Русскую принадлежность отличают от других. И те смотрят. Если у них возникает какое-то сомнение, они не решают там этот вопрос. В сторону, и там подумаем. Будем разбираться, кто ты и что ты. Я, видя это дело, понимаю, что уже здесь я не проскочу. А место, от которого двигалось, торцевая часть этого поля, там были выкопаны бульдозерами ямы для туалета. Значит, я становлюсь в самый-самый последний ряд. И эта колоссальная колонна начинает двигаться. Там первые идут, а задние ряды еще стоят, стоят и стоят. И я стою еще в задней. Там я вижу - кто-то уже прошел, все нормально. Кого-то уже в сторону. И так далее. Я стою. А те, которые уже прошли, они начинают проходить обратно, к тому месту, с которого шли. И многие идут в эти ямы, в туалеты как бы. В сторону этих туалетов. Я закрываю, как говориться, глаза, чтобы меня не видели. Я думаю, что меня так видеть не будут. Внутри же охраны нету. Охрана по вышкам, по периметру всего этого лагеря. И я ухожу с этого последнего ряда в группу тех, кто с первых рядов прошли и пошли туда. И смотрю - мне никто ничего. И я таким образом не прошел через эту проверку. Там очень многих расстреляли. Очень многих. Я опять остаюсь жив. Это еще одно "мгновение весны", причем очень серьезное было. Если бы я не сообразил так сделать, несомненно, я не был бы жив сегодня.

Через какое-то время нас грузят опять в вагоны, и отправляют в Германию. Едем мы n-ное количество суток. Привозят нас в Германию, и я попадаю в международный лагерь военнопленных города Луккенвальде. Это - колоссальнейший международный лагерь военнопленных. Там и французы. Там и итальянцы - уже те, которые выступили против Муссолини.

Это было начало октября 1943-го года. Это уже немцы потерпели поражение под Сталинградом, на Белгородско-Курской дуге. В общем, судьба войны практически была решена к октябрю 43-го года. Но до окончания войны еще оставалось очень много. Этот международный лагерь военнопленных... там все военнопленные не были вместе. Там каждая национальность была в своем микролагере. Три лагеря. Англичане - отдельно, американцы - отдельно, итальянцы - отдельно, французы - отдельно, русские - отдельно. Все лагеря, кроме русских, получали письма, посылки через "Красный Крест", от международного "Красного Креста". Кроме русских. У русских Сталин не подписал декларацию о международном "Красном Кресте", и таким образом русские ничего не имели. Надо сказать, что мы, находясь там... Между лагерями была сравнительно слабая охрана. И мы ночью пробирались с лагеря русских в лагерь, скажем, итальянцев, или французов, они нас там кормили, давали нам с собой кушать, и мы ночью возвращались обратно. Таким образом, по ночам мы делали вылазки по этим лагерям, которые жили практически в неплохих условиях. Благодаря "Красному Кресту".

13-го октября 43-го года я в составе группы военнопленных русских попадаю в рабочий военнопленный лагерь на станции Вульково.³ Я забыл, как этот город назывался. Это недалеко было от немецкого города. Я попадаю в этот лагерь. На станции Вульково военнопленный лагерь. Это маленький военнопленный лагерь, человек на 50, который находится в лесу, окружен колючей проволокой, а внутри находятся бараки. И весь этот лагерь, все, что находится в этом лесу, является военными складами германской армии. В этом лесу находятся бараки, в которых живут солдаты, и офицеры, которые обслуживают этот лагерь. Надо сказать, что к этому времени, когда мы приехали туда, обслуживание этого лагеря осуществляли уже немцы, которые побывали на фронте. Все они были ранены: кто хромой, кто без руки, кто еще что-то. Они были на этих работах, они руководили этими работами. И они руководили этими военными складами. Один из барakov был окружен колючей проволокой по кругу, и нас поселили в этот барак. И нас было там человек 50, которые приехали туда на погрузо-разгрузочные работы. Это была середина октября 43-го года. Что мы делали? Внутри этого леса проходили железнодорожные линии, туда подгонялись вагоны, и мы обязаны были из подземных бункеров грузить туда боеприпасы. Я как сейчас помню, что маркировка веса на каждой клетке - там бомбы, или что-то, что мы грузили, - была очень четкая. У немцев даже во время войны была идеальная организация и точность. Значит, стоит железнодорожный вагон, трапик стоит, по которому нужно зайти и погрузить в вагон. Это 43-й год, мне, слава Богу, 21 уже год. И я ношу бомбы на себе,

³[Stalag III-A](#)

на спине, которые было весом в 100 килограмм. По трапику, наверх, и погрузили. Вот на таких работах мы там были. Что интересно, что ряд боеприпасов имеют в составе не только боеприпасы, но и ящики с взрывателями. В комплекте. Непосредственно на каждый вагон - группа в 3-5 человек, которые грузят этот вагон. А остальные 3-5 - другой, третий. Разные есть работы. Руководили этими 3-5 людьми на погрузке пожилые немцы, пенсионеры, которых уже нельзя было призвать в армию, и они руководили нами там. Надо сказать, что к этому времени эти солдаты, которые были на фронте, и которые охраняли весь этот склад военный в лесу, очень лояльно к нам относились. Потому что они были на фронте. Они видели все. Это не то, что там немцы, которые не были на фронте, и которые ненавидели там все... Они побывали, как говорится, в тех условиях, в каких побывали и мы. И они к нам относились очень хорошо. Очень часто они брали кого-то, чтобы им там помыли пол, или еще что-то там сделали, и за это они давали хлеб. Буханку хлеба дадут, или еще что-то. Мы же, это вот цивилизные они назывались (на русском языке, это немецкое слово), которые нами руководили, пенсионеры, они тоже к нам неплохо относились. И старались тоже что-нибудь принести нам покушать. И надо сказать, что в этом военнопленном лагере, в общем-то, кормили сносно. Ну мы голодные были, потому что мы очень тяжелую работу выполняли.

В этом лагере было два многоэтажных здания. Что там было - мы не знаем, нас туда не пускали. Но мы знали и видели, что к этому зданию подъезжают вагоны, и в подвалы этого здания загружают овощи. Картошку, свеклу. В общем, грузят туда, в погреба этого здания. Что мы сделали: мы сделали подкоп под проволокой, которая нас окружала, наш домик в этом лесу. И вывели подкоп от одной из комнат нашего здания в полу, до выхода за территорию, за проволоку. И у нас была живая очередь. Что нужно было: ночью пройти через этот подкоп, пройти в здание, где картошка была,. Это здание охранял часовой. Один часовой. Который все время курсировал вокруг здания. Нужно было в темноте, ночью, в лесу, где это все находится, выбрать время, когда часовой пройдет это место, где в погреб можно было нырнуть через проем окна, влезть в этот погреб этого многоэтажного здания, набрать мешок картошки (мешок картошки ну 50 килограмм весит, но не сто! Мы легко это могли делать), и через этот лаз вернуться обратно. И там мы, в этом нашем помещении, варили эту картошку. Грибов было в этом лесу полно. Картошка с грибами - это была прекрасная еда, которой мы кормились в этом рабочем военнопленном лагере. Но это тоже был колоссальный риск, потому что если часовой услышит что-то, он там чикаться не будет, он будет стрелять. Но другого выхода нет, надо было на это идти.

Так мы работали длительное время. Ну как длительное время...До конца декабря 44-го года. И я решил организовать оттуда побег. Ты понимаешь, что весь этот склад по периметру, который был огражден, плохо охранялся немцами. Наш - вообще ночью никак. Нас запирали там, и ночью никакой охраны не было. Ночью представлялась возможность пройти эти два ограждения, и выйти за пределы лагеря. Нас подобралось пять человек. И мы 23-го декабря 1944 года сбежали из лагеря.

Мы бежали... Ты ж понимаешь, что мы находимся в центре Германии. Значит, это надо было по ночам идти. Какая цель? Идти на встречу своим. Мы уже чувствуем, что

вот-вот уже. Это скрыть было нельзя, мы узнавали это дело. 44-й год - это уже вот-вот конец войне. Идти на встречу своим, для того, чтобы нас не освобождали в качестве военнопленных, а чтобы мы пришли раньше окончания войны. Короче говоря, мы прошли две ночи, а на третью ночь жандармский ночной патруль нас останавливает, выясняет, кто мы, что мы, откуда мы, и отправляет обратно в этот лагерь, откуда мы бежали. Там нас собирают всех вместе, и направляют одного из охранников, который нас охранял, мы уже едем не в таком вагоне куда-то, а мы едем в пассажирском купе, у немцев такие вагоны, состоящие из купе. Одно купе он нам целиком забирает, мы туда садимся, и он с нами. И везет нас обратно в международный лагерь Лукенвальде. Только с разрешения или с санкции этого лагеря нас отправляют в Берлин. И мы оказываемся в Берлине, в тюрьме. Тюрьма называется "Александерплатц". Это тюрьма гестапо. Мы, 5 человек, в камере тюрьмы. Ну а заключенные любят делать всякие надписи на стенах. И там мы читаем такую надпись: "Товарищи, прощайте. Ухожу на Грус Гамбург Штрассе". Что такое Гамбург Штрассе, что, отчего, почему ухожу, "прощайте" там, и всякие душераздирающие надписи в этой камере этой тюрьмы.

Где-то с неделю мы там пробыли, потом нас выводят, этап по улицам города, и я же, умея читать по-немецки, смотрю, что нас уже вывели на какую-то улицу, я смотрю, как она называется, написано - "Грус Гамбург Штрассе". Это то, что было написано в тюрьме: "Прощайте, ухожу на Грус Гамбург Штрассе". Дальше нас подводят к какому-то громадному зданию, и я узнаю, что это гестапо. Заводят нас туда. А там такая стойка, когда заходят. Мы пытаемся пройти через эту стойку - нам резиновой дубинкой по головам, чтоб мы под стойку шли. Не открывают, чтоб мы прошли, а под стойку. Таким образом мы попадаем во внутреннюю тюрьму гестапо, где в каждой камере еще есть клетки. Отдельно. Камера закрывается, и каждая клетка внутри камеры - тоже закрывается. Я таких камер больше нигде не видел. Там мы пробыли тоже с неделю. Очередной этап с 13-го по 19-е января 45-го года уже, это тюрьма города Герлиц. Надо сказать, что после этой гестаповской тюрьмы с клеткой, нам эта тюрьма в Герлиц показалась очень хорошей. По-моему там даже кормили 2 раза в день. Ну, в общем, там было сносно сидеть.

В один прекрасный день нас ночью выводят, опять этап, сажают в грузовые вагоны, и куда-то везут. Ночь, 19 января 45-го года. Остановка. Останавливают. Слышим дикий лай. Открывают дверь вагона, заставляют нас выходить, и мы в окружении охраны СС с собаками. Колоссальное количество сс-овцев с собаками. Собирают нас, строят, и ведут. Заходим мы в какой-то лагерь. Мы чувствуем, что это лагерь. Потому что это уже такой хорошо оборудованный лагерь. И хорошо построенная охрана этого лагеря. И оказывается, что это концентрационный лагерь Гросс-Розен⁴. Этот лагерь находился вблизи города Бреслау. Что это за концлагерь? Это каменоломня. Там никто больше месяца-двух не выживал. Это дикая работа в каменоломнях, без еды, без условий жизни.

⁴ [Gross-Rosen](#) concentration camp

Нас заводят в такое помещение типа бани, где мы раздеваемся. Мы должны помыться. Значит, завели нас в это помещение, в котором как бы мы должны были помыться. Там же были и парикмахеры, которые должны были снять все волосяные покровы, где они только ни есть. И переодели нас в концлагерную робу. Это такие куртки и брюки, полосатые, тоненькие, хлопчатобумажные робы. Ну типа пижамные, сейчас мы это дело понимаем, как пижаму. Это вот такая куртка, такие штаны, тонкие-тонкие, хлопчатобумажные. После этой баньки нас в феврале месяце выводят на улицу, подводят к одному из барачков, и заставляют постоять для входа в барак часа 2-3. После этой баньки. в этой робе. Наконец нас заводят в барак, в котором количество людей позволяет только сесть на полу. В случае, если по рядам садятся, если я сажусь в расставленные ноги заднестоящего, а ко мне в расставленные ноги садится следующий. Такое количество людей. Вот так мы находились в этом бараке, и так мы спали ночь - сидя, в таком количестве.

Утром приносят еду. Баланда какая-то. Забегают 3-4 палача, и дубинками отгоняют все это количество людей к какой-то одной стене, ставят котел с едой, и наливают в миски, подходят и дают. Для того, чтобы создать этот кусочек места, где можно производить эту операцию, люди должны до предела сжаться. Причем задние, которые попадают к стене, настолько оказываются прижатыми, что люди, которые уже в изнеможении, которым уже нету ни на что сил, они падают в обморок, и были случаи - умирали.

В этом лагере мы пробыли недолго. Дело в том, что уже в 45-м году, в феврале месяце, советские войска подходили к Бреслау. И в этом лагере уже слышались артиллерийские выстрелы. В один прекрасный день нас всех собрали на площади, дали каждому маленькую буханку хлеба, и погрузили в открытые угольные вагоны. Платформы такие, на которых уголь возят, но у них есть борта. В эти вагоны погрузили по 50 человек. Вот в этих тоненьких хлопчатобумажных робах в феврале месяце.

Что я хочу сказать? Да, на каждый вагон был один охранник, который сидел на борту этого вагона, и следил, чтобы все было в порядке. Мы тронулись в путь. С 8-го февраля 45-го года мы двинулись в путь. И мы ехали в этих угольных вагонах по 12-е февраля 45-го года. Из еды - дали вот эту вот буханку хлеба на все время движения. Короче говоря, чтобы не вдаваться в подробности, из 50 человек, погруженных на месте, в каждом вагоне живых осталось человек 5-6. Остальные... Вот я лежу на трупе. Холодном. Я снимаю с него робу, и надеваю лишнюю робу на себя. Таким образом роб было достаточно. Но эти четыре дня мы вот так вот ехали...

12-го февраля 45-го года мы подъезжаем к какой-то станции, и эшелон останавливается. Я, умея читать на немецком, читаю - "Бухенвальд". Какое-то время эшелон простоял, и потом начал другое движение. Короче говоря, нас привозят в один из филиалов Бухенвальда, лагерь "Дора"⁵. Это подземный лагерь. Он находится под землей. Нет, сам лагерь находился на земле. Но все производство - это производство Фау-1 и Фау-2, которые обстреливали Лондон, - находилось под землей. Нас определяют в бараках определенных, мы уже к этому привыкли. И утром ритуал такой: идет проверка, после этого идут на работы, до этого в бараках дают кушать. Жидкая

⁵ [Mittelbau-Dora](#) concentration camp

баланда, суп такой из брюквы, и маленький ломтик хлеба. И так до вечера. Работа с утра до вечера. Вечером еще дают какую-то баланду, но уже без хлеба. Вот так нас гоняют туда, на эти работы, под землей. А склады этих Фау-1 и Фау-2, еще не начиненных приборами и всем, они находятся на улице. И нас ставят на то, чтобы мы заносили эти скорлупки в помещения под землей. Они очень тяжелые, очень тяжелые. И мы должны это переносить. Причем я помню один день, когда я уже совершенно выбился из сил, у меня уже не было абсолютно никаких сил, и я решил, что я больше не могу. Я нес эту скорлупу, и упал. И думаю: "пристрелят так пристрелят, нет - нет". Но не пристрелили. И я остался жив. Хотя в других случаях пристреливали они. Вот так мы там проработали. С 12-го февраля такая была работа до 5-го апреля 45-го года.

А 5-го апреля начинается эвакуация концлагеря "Дора". В связи с тем, что английские войска подходят уже с другой стороны к этому лагерю. Надо сказать, что во время нахождения в концлагере "Дора" нами была организована группа, которая занималась в какой-то степени саботажем по мере сил и возможностей. Эта группа была раскрыта. Надо сказать, что половина людей из этой группы были повешены. Причем как они были повешены. Там кран-балка ходит внутри этого помещения. Там очень квалифицированный был завод под землей. С кран-балками там, и все. Так на эту кран-балку брус надевают, и на этот брус сразу по пять человек ставят, под ним кнопка, и сразу пять человек повешены, одновременно. Все остальные должны проходить мимо, и не дай Бог отвернуться от этого дела. Попасть в эту группу ничего не стоило, они не могли это открыть, они не знали, где, что и как. Они хватали первого попавшегося.

5-го апреля по очень хорошо организованному и радиофицированному лагерю... Немцы молодцы, они технику использовали во время войны. Лагерь был хорошо радиофицирован, каждый барак - радиофицирован. Команда: всем выйти из бараков и строиться. Надо сказать...

Как они отдавали эти команды? Это все на немецком было?

На немецком языке. Но уже многие люди знали. Это так же, как мы не знаем иврита, и куда-то попадаем, и кто-то знает, так тут сразу становятся ясно, что хотят. Частично уже выучили многие за эти годы немецкий язык. Короче говоря, мы начинаем выходить. Но какого-то такого организованного построения не было. По мере того, как люди выходили из бараков, они в колонну там становились, и двигались. Надо сказать, что к этому времени в этом бараке, в этом лагере я оказался с еще только одним человеком из тех, с которыми мы были в рабочем лагере, и бежали. Остальные трое уже погибли. А нас остались двое. Толя, был такой, Котов, и я. Вдвоем. И мы старались все время быть близко друг к другу, чтобы прийти как-то на помощь в нужный момент. Короче говоря, мы вышли, и пошли. Толя был более бойкий, более здоровый. Он шел... Движение идет не ровным строем, а произвольным строем. Толя идет на 2 шага впереди меня, я иду на 2 шага сзади. В это время мы проходим в ворота, там уже сс-овцы ждут всех. Внутри лагеря-то сс-овцев нет, они же только охраняют. А когда ты выходишь из лагеря, то уже попадаешь в окружение охраны. Толя идет, и в это время перед моим носом закрывается шлагбаум. Толя уходит, я остаюсь.

Толя попадает в один эшелон, эшелон отходит, их грузят. Открывается шлагбаум, и я попадаю во второй эшелон. Короче говоря, их эшелон весь загнали в каменоломню и отравили газом. Весь эшелон тех, кто был в лагере “Дора” был отравлен. А условия работы в этом лагере было такое: уровень секретности такой, что ни один человек из этого лагеря не мог оставаться живым.

Я попадаю во второй эшелон. Этот эшелон направляется в концентрационный лагерь... я даже сейчас четко не помню, Бельзен-Берген⁶, или Берген-Бельзен. Скорее всего, Бельзен-Берген. Без питания в дороге. В лагере, куда мы прибываем, готовится акция массового смертельного отравления тех, кто приехал. Об этом мы узнали потом. Нас не кормили несколько дней, и приготовили хлеб, отравленный мышьяком. Его должны были выдать 15-го апреля. Но 15-го апреля в этот лагерь (а лагерь был, Бельзен-Берген, тоже обнесен, но недалеко проходила дорога, за огражденной частью лагеря)... И в этот момент, в этот городок Бельзен-Берген, врываются английские танки. Трудно, конечно, себе представить, как. Танкисты с танков бросают шоколад, хлеб белый, который мы не видели уже не знаю... То есть продукты бросают, печенье, бросают через колючую проволоку в лагерь. И нас не успевают отравить. А это, в результате, получилось потому, как потом выяснилось, что немецкий врач в этом лагере задержал по времени раздачу хлеба. Это потом уже нам говорили. 15-го апреля, в 12 часов дня, в лагерь врываются английские танки. Охрана лагеря уничтожается. Англичане спасают военнопленных, большая часть которых, и в том числе - я, уже не в состоянии ходить. Очень характерно, что, когда они ворвались, они по рупорам передали, чтобы никто ничего не ел. Ничего не трогал. Чтобы все находилось на местах. Через 2-3 часа придут английские транспортеры, которые все сделают, и всех накормят, и все будет хорошо. И ровно через 2-3 часа приезжает целая колонна продовольственных студебекеров, нагруженных питанием, и специальная машина, через которую прогоняют весь лагерь - это дезинфекция. Через машину прогоняют всех, продезинфицировали, выходишь - все. Но кушать дают очень ограничено.

Вот здесь я впервые заявляю о том, что я - офицер. Меня отдельно сразу. Собралась группа таких же, как я, офицеров, и нас увозят. И привозят нас в километрах 15-20 от этого места в полевой английский госпиталь. Где я нахожусь до 20-го мая, 5 дней. Там отпаивают буквально: какао, легкая еда, бульоны. Такое легкое диетическое питание. И тут задают вопрос: “куда вы хотите дальше?”. Есть любые варианты. В любую страну, в любое место - пожалуйста. Но у меня же дома мама! Которая не знает, где я! И я за нее больше переживаю, чем за себя.

А ты уже знал, что возвращаться опасно?

Нет. Этого никто не предполагал. Никто не предполагал. И я говорю, что я хочу домой. 20-го мая 45-го года по собственному желанию меня отправляют в советскую зону оккупации Германии в город Пархим. Отправка производилась на грузовых автомобилях, “студебекерах”. Нам в дорогу англичане выдали сухие пайки. И через 4

⁶ [Bergen-Belsen](#) concentration camp

или 5 часов мы приехали в город Пархим. Нас встретили офицеры советских войск, завезли в какое-то закрытое помещение. Не могу сказать, что это был лагерь, но, во всяком случае, это было замкнутое помещение, внутри которого находились дома. Мы вышли из машины, нас построили, и нам сразу были заданы вопросы: кто рядовые, а кто - офицеры. Нас, офицеров, оказалось в этой группе немного, я и еще несколько человек. Я был тогда техником-лейтенантом, а среди нас был один капитан. Они сказали, что мы будем вот в этом месте, куда мы приехали, заниматься вопросами репатриации советских граждан, бывших военнопленных, в Советский Союз. Этого капитана назначили командиром батальона, меня назначили командиром роты, там мне был назначен один заместитель, москвич Джабаров. Мы уже получили там советскую военную офицерскую форму, и приступили к работе. Впоследствии оказалось, что это был 212-ый лагерь НКВД по репатриации советских граждан из Германии. Через день-два... Мы там жили неплохо. Как офицеры. И ничего не делали первые несколько дней. А потом начали прибывать бывшие военнопленные - то, которые должны были быть отправлены в Советский Союз. Мы этих людей объединяли в роты, и вся работа с ним проводилась на таких военных началах. Их надо было и помыть, в специальные бани отправить, и потом с ними проводилась определенная работа по подготовке к переезду. И кормили... Смысл был такой, что они пробывали у нас несколько дней, потом подавались эшелоны, по мере того, как были подготовлены для отправки, и потом отправляли в Советский Союз. Куда они попадали - нам, тем, кто был в Пархиме, и работал на этой работе, было неизвестно.

Так продолжалось где-то до октября месяца, наверное. Когда уже прошла основная масса военнопленных, начали поступать власовцы. Не знаю, нужно ли говорить, кто такие власовцы. Власовцы - это те, которые сдавались в плен, и потом их вербовал генерал Власов, который перешел на сторону Гитлера, и который создавал определенные войска, которые принимали участие в операциях немецкой армии. Когда приехали власовцы, то к ним в нашем лагере было совершенно другое отношение. Их очень жестко принимали, с ними очень жестко говорили. Я не знаю, чья это была инициатива: у них конфисковали вещи, которые у них были. И лагерь держался на закрытом режиме при них. В общем, довольно тяжелое было отношение к ним. Недоброжелательное и обостренное.

После того, как мы отправили несколько партий власовцев таким путем в Советский Союз, лагерь практически прекратил свою работу. Где-то, как я уже говорил, в октябре. И последняя партия - это были все те, кто работал в городе Пархиме, и участвовал во всех этих мероприятиях по репатриации. Это не только из нашего места, где я находился. Это были и другие места. В общем, набралось довольно много людей. Нас погрузили в эшелон, и отправили в Советский Союз. Ехали мы через Польшу. Надо сказать, что обращало на себя внимание недоброжелательное отношение поляков по пути следования. Наконец потом мы прибыли в Советский Союз, и мы попали на железнодорожную станцию, не помню, как она называется. Не Навашино ли? Где мы п-ное время простояли.

Моим родственникам, которые жили в Москве, удалось выяснить - я думаю, что не без посредства моего дяди, генерала, который был начальником штаба авиации

воздушной армии, - где будет проходить этот эшелон. И мой дядя, Савелий Михалыч, с Беллочкой, его женой, приехали на эту станцию. И это была первая станция, на которой я встретился после начала войны с ними. Они впоследствии потом маме моей, которая жила в Ленинграде, рассказали, что они меня видели, и что все, в общем, в порядке, что я, в общем, выгляжу уже ничего. И все, казалось им, должно быть хорошо.

Мы простояли в Навашино день или два. Нас кормили там в столовых этой станции. И через некоторое время эшелон двинулся дальше, и нас привезли в город Муром. В Муроме мы попали в закрытый лагерь, который был обнесен колючей проволокой, с охраной советских войск, и там началась генеральная проверка всех прибывших в этот лагерь на предмет деятельности каждого из нас во время нахождения у немцев в плену. Я не помню, сколько я там пробыл - месяц, или немножко больше. Но, во всяком случае, где-то в декабре месяце я уже был оттуда отправлен. Надо сказать, что так, как повезло мне - я не знаю, в общем, сколько еще людей были отправлены в таком плане, как был отправлен я. Я был полностью реабилитирован. Дознание и проверка проводилась в этом лагере путем периодических допросов, каждый день, специальными следователями НКВД, и потом окончательное заключение давала комиссия, по которой я получил полную реабилитацию, восстановление в воинском звании. Даже в то время выдавались такие талоны для офицеров в закрытые продовольственные магазины. Я получил эти талоны. И я, в общем, был полностью реабилитирован, и мне было предоставлено право выбора жизни в любом из городов Советского Союза. Естественно, я выбрал Ленинград, где жили мои родители. Я получил проездные билеты до Ленинграда, и я из Мурома через Москву поехал в Ленинград.

О чем они спрашивали на этом дознании?

На этом дознании подробнейшим образом спрашивали, где я служил, как я служил в Советской Армии, когда и как я попал в плен. И самый главный вопрос, конечно, был - это время пребывания в плену. Подробнейшим образом, буквально, последовательно - где, как и что. Я думаю, что немаловажное значение сыграло то, что я был евреем. Что в плену, в общем-то, евреи, как правило... Если попадали в плен, то их уничтожали. И то, что я был в плену, и попал в плен, будучи евреем, значит, что я не добровольно сдался и попал в плен, а попал в силу каких-то чрезвычайных обстоятельств. Это, в общем, играло определенную роль. И самое главное - это то, пожалуй, что я был в двух концентрационных лагеря. Это тоже имело, видимо, большое значение. Может быть, видимо, поскольку точно я, конечно, судить не могу. Я только знаю, что тот следователь, который вел мое дело, по ходу допроса очень ко мне доброжелательно относился. Он даже, записывая то, что я говорю, пытался сгладить некоторые формулировки того, как я рассказываю, не имея, конечно, определенных навыков и опыта в том, как нужно было бы это правильно рассказать. К примеру, когда я ему рассказывал о том, как я 5-го числа, в день наступления немецких войск, въехал в расположения немецкого наступления, движения немецких войск, то он мне сказал, что сформулировать это нужно несколько иначе. Что я был просто отрезан немецкими

войсками от пути движения к своей части. Те мелкие подправки, которые он делал... Я чувствовал, что он доброжелательно ко мне относится.

Вся эта операция по установлению обстоятельств нахождения в плену закончилась уже в первых числах декабря. И вот у меня сохранилась выписка из приказа войскам московского военного округа... Это был документ, который был приложен в мое личное дело, которое потом было направлено в военкомат города Ленинграда... Этот документ гласил следующее: "Нижеперечисленный офицерский состав, прибывший по репатриации, и прошедший спецпроверку при 33-й запасной стрелковой муромской дивизии, по первой категории восстановить нижеупомянутых офицерских воинских званий, и на основании закона "О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии", уволить из кадров Красной армии в запас по такой-то и такой-то статье". Такой документ давал право того, что я был восстановлен, получил полноценный паспорт, право проживания в Ленинграде, и я был демобилизован из армии 12 декабря, и через несколько дней я приехал в Ленинград. Я имел военные проездные документы. Там меня на Московском вокзале в Ленинграде встречала мать, с которой я не виделся практически с августа месяца 41-го года. Была глубокая зима. Мать была в валеночках. Она мне показалась очень маленькой, очень уже пожилой. В то время, как в 45-м году маме было 53 года.

В феврале месяце был объявлен набор в электротехнический институт имени Ульянова (Ленина) для лиц, демобилизовавшихся из армии. Я полностью по всем категориям подходил. Единственное, что меня волновало - примут ли меня из-за того, что я был в плену. К этому отношению было очень жесткое в то время в Советском Союзе. К людям, находившимся в плену, было отношение недоброжелательное, настороженное, и я не знал, удастся ли мне поступить, или нет. Я пошел в военное училище, в котором я учился. Я получил там соответствующие документы, что я окончил это училище. А училище это в то время электротехническим училищем еще называлось. И поэтому это было по специальности. Через какое-то время я прошел приемную комиссию. Мне было сказано, что в связи с тем, что я окончил военное училище, и что я демобилизовался сейчас из армии, я буду принят в институт без вступительных экзаменов. Это было для меня очень важно, потому что за 5 лет нахождения в плену, конечно, все, что было изучено в школе, было забыто. И для меня это был очень важный фактор. И с февраля месяца 1946-го года я поступил на полный курс, на дневное отделение Ленинградского электротехнического института имени Ульянова (Ленина) на факультет приборостроения.

Несколько слов о том, почему я сумел поступить в институт, и учиться в институте на дневном отделении. Дело в том, что родной брат моей мамы, Александр Михайлович Линева, был во время войны (и после войны, естественно), генералом авиации. Он был начальником штаба армии бомбардировщиков дальнего действия. И он материально был очень обеспечен, и очень хотел, чтобы я учился. И он сказал тогда, что если я буду учиться, то он ежемесячно будет помогать маме в сумме 1000 рублей для того, чтобы я закончил институт. Я не мог тогда и учиться, и работать одновременно, постольку, поскольку в вечернее время мне нужно было очень много заниматься. Из-за того, что за 5 лет нахождения на фронте, в плену, я достаточно основательно забыл

тот курс наук, который мы изучали в школе, и мне нужно было очень серьезно ежедневно готовиться к занятиям в институте.

Я был принят в институт приемной комиссией, на факультет приборостроения, как я уже сказал, и окончил этот институт в 1951-м году. Я хочу сказать, что группа из 19-ти человек, которая была принята в феврале месяце 46-го года - все мы были фронтовики, и об этой группе потом гремел институт в течение многих лет.

... Материальная поддержка, без которой прожить в то время было чрезвычайно трудно. В моей группе были несколько человек - это очень интересно, - те, с которыми я учился в военном училище в 1941-42 году. Это были мои очень потом большие друзья. Леня Коняхин такой был, и **(Поля?00:29, 6-я часть)** Васильев. И они потом в течение длительной моей жизни оставались моими друзьями. Мы все относились друг к другу, как большие друзья. Я хочу сказать, что учеба в институте носила подчас юмористический характер. У нас, например, преподавали военное дело. И нас, фронтовиков, заставляли ходить на эти занятия. А руководил этими занятиями офицер, который к нам обращался - "Вы извините, я вынужден проводить занятия". Но то, что знали мы - конечно, не знал он. Ну и он нас освобождал, и мы практически не ходили на эти занятия. И он отмечал, что мы были. А потом, когда начинались экзамены, то он клал билеты лицевой стороной кверху, чтобы мы видели, какой билет нам взять, и как нам удобнее было бы отвечать на те или иные вопросы.

Надо сказать, что институт этот вообще был одним из лучших в Советском Союзе. Из электротехнических институтов он был, пожалуй, самый лучший. Он был на уровне бауманского московского института и университетов, политехнического института Ленинградского. У нас были профессора высокого класса. Основатель этого института - профессор Попов, изобретатель радио. И, что интересно, его дочь преподавала у нас курс электротехнических приборов. Вообще была профессура высокого класса. И, конечно, занятия проходили на очень высоком уровне. Окончившие этот институт всегда очень высоко котиrowались. Что интересно, каждый факультет имел определенные группы направления изучения предметов. Я попал на изучение предметов "курс управления артиллерийско-техническим огнем морских установок". Очень интересно, что этот курс и эта группа была засекречена. Я был полностью уверен, что меня не засекретят, из-за того, что я был в армии. Но был поражен, что меня засекретили, и я окончил именно этот курс, по специальности "электротехнические приборы". Когда мы сдавали дипломы и защищали дипломные проекты, руководителем группы был очень высокопоставленный морской офицер армии, и когда выяснилось, что я был в плену, они были крайне удивлены, что я попал именно на этот курс.

Что же в результате этого всего получилось? Дело в том, что все мои друзья, вся группа, получили определенные распределения. Подавляющее большинство распределений были вне Ленинграда. Это Томск, Осмк, там, где тогда были военные заводы, институты. Все они получили распределения в научно-исследовательские институты. И один я получил направление в Ленинграде. В организацию "Севзапэнергоремонт". Что такое организация "Севзапэнергоремонт" я - не знал, и что

она из себя представляет - я тоже не знал. Но был адрес, было название организации. В 51-м году я туда пришел, в эту организацию. Директор организации был такой Догевальский Борис Владимирович. Это величайшей души человек, который посмотрел направление, посмотрел мой диплом, познакомился с тем, что я из себя представляю, и сказал мне так: "Я могу вас оставить, но работу по той специальности, по которой вы оканчивали институт, я вам предоставить не могу. Мы занимаемся вопросом ремонта по всей стране крупноэнергетического оборудования: генераторов, компенсаторов, силовых трансформаторов, электродвигателей крупных, технических установок. У нас в организации есть высочайшего класса инженеры, которые еще работали в компании "Сименс-Шуккерт" во время царского режима, была такая компания (это потом был завод "Электросила" в дальнейшем в Ленинграде). Это люди, которые обладают высочайшими знаниями. Вы - специалист молодой. Вы в институте, по сути дела, получили общую подготовку. А специализация ваша может начаться у нас, под руководством вот этих вот специалистов. Наша специальность значительно шире. Она применяется во всех отраслях промышленности. И поэтому она может иметь для вас более существенное значение". Я согласился. Я был принят в эту организацию на должность инженера технического отдела, с окладом - я не помню сейчас, но, по-моему, это было 800 рублей в месяц. Что интересно, что когда я начал работать, через несколько месяцев я начал получать прогрессивку (а прогрессивкой называлась дополнительная оплата за выполнение и перевыполнение плана). Я получал прогрессивку приблизительно в полтора раза больше, чем мой оклад. Я проработал в техническом отделе под руководством Наума Львовича Ривкина порядка трех лет. Инженером отдела. Мой начальник Наум Львович Ривкин очень интересный человек, он очень был грамотный инженер, очень уже пожилой. И очень беспорядочный во всех документах и делах. Он всегда говорил - "у меня никогда ни одна бумажка не пропадает. Я просто не знаю, где она лежит.

Через 3 года я договорился с Догевальским, директором предприятия, что я перейду в производственный отдел. Непосредственно на производство. Мне дали несколько бригад, а работа проходила именно бригадным методом, мы выезжали. У нас, правда, был свой завод, который готовил все необходимое для выезда: там - обмотки, там - секции для электродвигателей и генераторов. Но вся работа производилась непосредственно на местах у заказчиков, и туда выезжали наши бригады чрезвычайно высокой квалификации. Мне дали несколько бригад, и это дало мне право получать прогрессивку уже тогда не по показателю предприятия в целом, что было ниже, а по выполнению плана. Но так как к тому времени, за три года, я уже очень неплохо овладел методиками расчетов электрических машин и трансформаторов, и уже предприятие было заинтересовано, чтобы я продолжал работу в техническом отделе. Мы договорились с директором, что план мой будет уменьшен. Я буду в течение одной-двух недель находиться в Ленинграде, выполнять эти расчетные работы для предприятия. А в остальные две недели - выезжать в свою бригаду, и выполнять тот план, который понижен, и мне будет дан. Этот период времени я был материально очень хорошо обеспечен. План всегда выполнялся. И, в общем-то, нужно было еще и уметь выполнять план, что я, в общем, довольно быстро схватил.

Через некоторое время Наум Львович был переведен главным инженером на наш завод, нашей же организации в Ленинграде, и меня назначили начальником технического отдела. Я вынужден был оставить работу на производстве, и полностью переключиться на технический отдел. Я здесь буду краток: работа технического отдела была очень успешной. Я просто не хочу себя хвалить. Но характерным признаком является то, что еще через несколько лет мне предложили быть главным инженером этого предприятия. Я был человек скромный, я Догевальскому сказал, что я не могу быть главным инженером, потому что я в совершенстве знаю вопросы электродвигателей, крупных электрических машин, генераторов, компенсаторов, трансформаторов, электроизмерительных приборов, чем мы занимались, но я совершенно не владею теплотехническим оборудованием, которое мы в институте не изучали, я его не знал. А на предприятии был отдельный цех теплотехнического оборудования. Я говорил, что главный инженер должен знать все аспекты деятельности организации, а я - недостаточно. Меня уговаривали. Причем был такой секретарь партийной организации, который крайне отрицательно относился к евреям. И что характерно, по отношению ко мне он всегда очень хорошо относился. Зная о том, что я был в плену, и еврей, и беспартийный. И он меня очень долго уговаривал стать главным инженером. заверив, что партийная организация меня поддержит.

Ну что еще интересного можно сказать. Что через некоторое время главным инженером этого предприятия был назначен человек, который знал, может быть, только из пяти-шести аспектов деятельности организации лишь один аспект, а все остальное не знал. И все же он пошел на то, чтобы быть главным инженером. Но соответствующее отношение к нему было. Люди знали, что к нему нечего обращаться ни по каким вопросам. Я по своему характеру для себя этого позволить просто не мог.

Я на этом предприятии проработал до 1968-го года. За это время там сменились несколько главных инженеров, сменилось несколько директоров, а я все работал начальником технического отдела. Моя трудовая книжка имела вкладыш. Не смотря на то, что была одна запись приема на работу. Вкладыш отдел кадров был вынужден составить потому, что количество почетных грамот и наградений за это время, с 1951 года по 1968 год, превысило графы основной трудовой книжки. И был вставлен вкладыш. Исключительно на поощрение.

В 1968 году предприятие возглавил директор, который в 1941-1942 году был заместителем начальника НКВД города Ленинграда. Потом он был репрессирован, отправлен на Север. Но репрессирован как: он был отправлен начальником тюремного лагеря в глубоком Севере. Конечно, для такого человека, который был замначальника НКВД города Ленинграда, это была колоссальная репрессия. Но потом, когда поступила уже в 60-х годах оттепель, его реабилитировали, и послали работать на наше предприятие директором. Ну он ко мне хорошо очень относился. А в это время я по роду своей деятельности начал очень тесно соприкасаться с одним заводом в Ленинграде. Это электротехнический завод Министерства энергетики и электрификации. Там директором был молодой человек, Кузьмин Юрий Иванович, который знал меня, ко мне хорошо относился. И неоднократно предлагал мне перейти на завод, на должность главного инженера. Я не хотел, потому что я много лет

проработал, мне это было не нужно. Я в общем не стремился к такой работе - главным инженером на завод. И вот этот вот директор новый, Севзапэнергоремонта, в один прекрасный день объявил мне выговор в приказе. Что послужило поводом для этого? На одном очень крупном военном заводе в Ленинграде сгорел трансформатор плавильной печи, в которой плавился специальный металл для очень важных военных заказов. Для того, чтобы восстановить этот трансформатор... Нормальный его цикл восстановления - это не меньше, чем пол года. Военный заказ имел определенный срок изготовления. И было критическое положение для этого завода. Ко мне приехал директор этого завода, а он были ни более ни менее, как член ленинградского обкома партии. Он приехал ко мне, лично, зная, что я - начальник технического отдела, я занимаюсь этими делами, и он меня начал просто на коленях умолять помочь срочно сделать эту работу. По нормальной схеме срочно эту работу сделать было нельзя. Но к этому времени буквально уже виртуозно в стране был известен, как расчетчик трансформаторов, я сумел путем электрических соединений обмотки отдельных ветвей, последовательных параллельных соединений отдельных групп, создать вариант обмотки, который можно было сделать. и материалы, которые были в наличии, которые не надо было заказывать и ожидать их прихода и выполнения. Я выполнил эту работу, и этот трансформатор был срочно сделан, их плавильная печь восстановлена, и завод мог приступить в выполнении этого заказа. За это директор этого завода материально меня поощрил. Об этом узнал мой директор, и объявил мне выговор. Когда он объявил мне выговор, я позвонил на этот электротехнический завод, с которым я был ранее связан, директору этого завода, Юрию Ивановичу Кузьмину, и говорю - "Юрий Иванович, я согласен перейти к тебе главным инженером". А тогда нужно было подать за 2 недели заявление об уходе, так просто не уйдешь с организации. Я подал заявление. А мне еще Юрий Иванович сказал - "давай-давай, потому что к нам приезжает начальник главка, и я хочу тебя познакомить с начальником главка, ты уже все о себе расскажешь, чтоб не было потом никаких недоразумений". Действительно, через несколько дней приехал начальник главка, Мельников такой. Кстати, он потом был министром. Он со мной переговорил, сказал, что я его полностью устраиваю. И я подал заявление, и две недели каждый день директор, секретарь партийного бюро, председатель профкома приглашали меня в кабинет директора, извинялись, обещали снять наказание, и чтоб только я остался. Я сказал - "Нет. Я 16 лет проработал, у меня не было взысканий. Я ухожу". И я ушел на электротехнический завод. В 68-м году это было, на должность главного инженера этого завода. Ну работа на заводе - это целая эпопея. Я там проработал до того, как мне исполнилось 62 года. 62 года мне было в 84-м. С 68-го по 84-й год. Из этого завода, который носил полукустарный характер, я превратил этот завод в завод индустриальный. Обо мне на всесоюзных совещаниях говорилось. Меня очень уважали. Меня приглашали потом главным инженером треста в город Москву, в то время, когда в Москве была закрытая прописка. Но мне было прислано письмо, что начальник главка вошел в ходатайство в Моссовет, и мне будет разрешена прописка в Москве. Я не поехал. Об этом - отдельный рассказ. Постольку, поскольку это было связано с моей семьей. Моя жена Рита была очень тяжело больна. Она очень тяжело болела после рождения дочки в 1950-м году. И я не мог. Я уже здесь сидел на месте, мне уже надо было здесь.

На этом заводе я имел массу поощрений. Мы получили серебряную медаль ВДНХ - Выставки достижений народного хозяйства. Я получил за изобретения, связанные с созданием совершенно нового, уникального типа трансформаторов, применительно для нужд сельского хозяйства. С равномерным распределением нагрузки по фазам, что для советского хозяйства имело большое значение. и было характерным. И я получил эту медаль ВДНХ, я имел массу премий. Завод числился на хорошем счету. И я проработал там до 84-го года. В 84-м году я сказал, что я уже пенсионер. А когда мне исполнилось 60 лет, мне предложили, чтобы я не каждый день приходил на работу, хотя получал бы зарплату полностью. Мне предложили, чтобы я приходил на 2 часа позднее. В общем, предложили целый ряд льготных условий. Я сказал, что я это принять не могу, постольку, поскольку во мне нуждаются с 8 утра. Я всегда был нужен, я всегда был в деле. И я не мог себе позволить, чтобы меня не было в те часы, когда завод работал, и когда я был нужен. А этот Кузьмин Юрий Иванович, который в то время был директором завода, когда я поступил, он к этому времени стал управляющим трестом "Запсельэлектросетьстроя". Это трест по электрификации сельского хозяйства северозападной зоны Советского Союза. Он стал там управляющим, и предложил мне перейти в трест, на более легкую работу. Я туда перешел на должность начальника планового производственного отдела, и свою деятельность уже в тресте я закончил в 1990-м году. В 89-м году, наверное, в декабре месяце. Потому что в 90-м году в феврале месяце мы выехали в Израиль.